

УДК 821.161.1
DOI 10.17223/18137083/71/8

О. А. Толстоноженко

Сибирский федеральный университет, Красноярск

**«Лесные короли» Георгия Гребенщикова:
к вопросу об источниках сюжета ***

В 1910-е гг. Г. Д. Гребенщиков предпринимал активные попытки войти в столичную литературную среду и занять высокое место в писательской иерархии, чем обусловлено его стремление установить связь с современной ему литературой в указанный период творчества. Показателен в этом отношении рассказ «Лесные короли» (1914), возникший в результате соединения «низовых» фольклорных влияний и сюжетики, разрабатываемой, в частности, современной элитарной поэзией. В ходе сопоставительного анализа было выявлено, что сюжет гребенщикова содержит ряд параллелей с распространенной в Сибири народной балладой «Рыбак и жена охотника» и стихотворением А. А. Ахматовой «Сероглазый король» (1911), которое могло быть известно алтайскому прозаику, бывавшему в столице и стремившемуся установить прочные связи в петербургских литературных кругах. Этот аспект житнетворческой стратегии автора подтверждается, в частности, явственным звучанием в рассказе темы провинциального интеллигента.

Ключевые слова: Г. Д. Гребенщиков, А. А. Ахматова, фольклорная баллада, сюжет, мотив, литература Сибири, литературная иерархия, житнетворческие стратегии.

Начало XX в. в русской словесности было временем сосуществования ряда эстетических течений, боровшихся за место в литературной иерархии. Наряду со столичными писательскими объединениями о себе стали заявлять провинциальные кружки и группы, находившиеся на географической и культурной периферии. В это же время в конкурентную борьбу включился алтайский писатель Г. Д. Гребенщиков.

В последние десятилетия его творчество продуктивно изучалось. Стратегии профессионального самоутверждения Гребенщикова в писательской среде пореволюционного времени и в годы эмиграции были рассмотрены в диссертации А. Ю. Горбенко [2016]. Жизнестроительные ориентиры писателя получили освещение в недавней статье В. В. Десятова [2018]. Вопросу взаимоотношений Гре-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 18-312-00115).

Толстоноженко Оксана Алексеевна – аспирант Института филологии и языковой коммуникации, кафедры журналистики и литературоведения Сибирского федерального университета (пр. Свободный, 82А, Красноярск, 660041, Россия; t_oksa@mail.ru)

бенщикова со столичной литературной средой, в частности конструированию ученического статуса по отношению к М. Горькому, посвящены работы Н. Н. Примочкиной [2001; 2003] и Л. В. Суматохиной [2013]. Внимание исследователей привлекает также проблема определения места, которое сибирский писатель занимает в русском литературном пантеоне [Казаркин, 2010; Серебренников, 2004; Мансков и др., 2018]. В свою очередь, этим исследованиям предшествовали источниковедческие разыскания Т. Г. Черняевой [2002; 2003; 2007], также ориентированные на созданные молодым сибирским прозаиком траектории самопрезентации.

Заслуживает внимания анализ интертекстуальных связей гребенщикова творчества с произведениями классической и современной ему литературы, поскольку через такого рода манифестации писатель мог обозначить свою позицию по отношению к другим участникам литературного процесса, заявить о себе как о достойном конкуренте в борьбе за читательское внимание, выстроить свои отношения со сложившейся традицией. С этой точки зрения интересен написанный в дореволюционный период творчества Гребенщикова рассказ «Лесные короли», поскольку именно в 1910-е гг. сибирский прозаик предпринимал активные попытки закрепиться в столичной литературе.

Рассказ был опубликован в первом номере петербургского «Ежемесячного журнала» за 1914 г., а затем вошел во второй том сборника «В просторах Сибири», который стал, по словам автора, его «докторской диссертацией» [Гребенщиков, 2010, с. 60] – трудом, подтверждающим его высокую литературную «квалификацию». «Лесные короли» в составе сборника были высоко оценены критикой, наряду с повестью «Ханство Батырбека», рассказами «Степашкина любовь» и «Волчья жизнь» [Там же, с. 59]. Произведение, создававшееся для столичного журнала, привлекло внимание читателей благодаря занимательному сюжету, достойному повести или целого романа.

Супружеская измена и последующее убийство соперника – нередкая тема как фольклорных, так и литературных произведений, однако вопрос о непосредственном источнике рассказа Гребенщикова не может быть прояснен до конца, поскольку автор не оставил однозначных свидетельств о том, что натолкнуло его на создание истории о леснике Михаиле Григорьевиче, Антропе и его жене Зеновее. С одной стороны, такой сюжет мог возникнуть стихийно в процессе творчества: «Русская литература представляет собой единый высококоррелированный гипертекст. Речь идет не только о заимствованиях и влияниях, но и о феномене памяти литературного творчества, о ее мнемоническом пространстве, которое приняло в себя художественный опыт веков и сохраняет свою актуальность для каждого писателя и читателя. Она живет в жанровых и контекстных ожиданиях, эстафетах переключек, аллюзиях, реминисценциях, аналогиях, цитатах и других возможных припоминаниях участников литературной жизни» [Бальбуров, 2009, с. 38].

С другой стороны, существуют претексты, которые могли попасть непосредственно в поле зрения писателя и «спровоцировать» его на создание рассказа с сюжетом об адюльтере. Ближайшими источниками видятся фольклорные произведения, распространенные на Алтае [Алтай – Беловодье..., 2007].

В 1961 г. в Мурманской области С. Н. Азбелевым была зафиксирована баллада-песня «Рыбак и жена охотника», распространенная также и в Сибири [Народные баллады, 1963, с. 422–423], в которой присутствуют мотивы, перекликающиеся с содержанием «Лесных королей» Гребенщикова.

Во-первых, герои обоих произведений связаны с лесным промыслом: в фольклорной песне соперниками выступают рыбак и охотник, в рассказе Гребенщикова – лесничий Михаил Григорьевич, лесоруб и охотник Антроп. Примечательно, что в обеих ситуациях убийцей соблазнителя оказывается персонаж, чья повседневная жизнь связана с истреблением животных. Во-вторых, в обоих произведе-

дениях причиной несчастья становится неверность *молодой* жены (ср. у Гребенщикова: «Дома были меньшаки Антропа, немая дочь его от первой бабы и молодая Зеновея» [Гребенщиков, 1915, с. 159]; в песне: «Один любил крестьянку, второй любил княжну, // А третий – молодую охотника жену» [Народные баллады, 1963, с. 372]). В-третьих, в обоих случаях присутствует предсказание смерти, которой завершается история. В песне охотник встречает цыганку, и она гадает ему на картах:

Твоя жена неверна – семёрка так лежит,
А туз виной – могила тебе принадлежит.

Предсказание сбывается: заставший любовников в объятиях друг друга охотник стреляет в рыбака, в жену, а затем убивает себя.

В «Лесных королях» Михаилу Григорьевичу перед охотой на медведя, на которую его пригласил Антроп, снится предостерегающий сон: «...Он упрашивает бабушку показать ему медведя, она берёт его за руку и ведёт в тайгу... Но там жарко и темно... И в темноте на них напал медведь...» [Гребенщиков, 1915, с. 176], после пробуждения героя возлюбленная сообщает ему о своих опасениях: «Я боюсь, как бы они тебя, мой сокол, не... убили...» [Там же]. В результате Михаила Григорьевича во время охоты убивает медведь, но подстроил это происшествие Антроп, таким образом, сбываются оба «предсказания». Однако этими ключевыми событиями сюжет «Лесных королей» не исчерпывается.

Другой источник, который мог повлиять на творческий процесс Гребенщикова – стихотворение А. А. Ахматовой «Сероглазый король». Однозначных свидетельств знакомства сибирского писателя с произведением поэтессы нет, но такую возможность нельзя отрицать.

Обратимся к истории создания стихотворения и некоторым его особенностям, важным для сопоставления с рассказом Гребенщикова. «Сероглазый король» был написан в Царском селе 11 декабря 1910 г., в скором времени после возвращения из свадебного путешествия по Европе. Сероглазый мужчина появляется в раннем творчестве Ахматовой не единожды. Так, он становится персонажем стихотворений «Я смертельна для тех, кто нежен и юн», «Снова со мной ты, о мальчик-игрушка!», «У меня есть улыбка одна» и поэмы «У самого моря». В 1965 г. Ахматова писала: «В поэме “У самого моря” – эпизод с мальчиком (“Сероглаз был высокий мальчик”) – это история любви Николая Степановича ко мне. Гумилёв очень любил эту поэму и просил меня посвятить её ему» [Ахматова, 2001, т. 5, с. 212]. Однако исследователи полагают, что в этом образе прочитывается не только Гумилёв, но «и кто-то другой из адресатов её ранней лирики» [Ахматова, 1998, т. 3, 477]. В интерпретации Э. Файнштейн прообразом и сероглазого короля, и мужа в стихотворении был Гумилёв: таким образом поэтесса зафиксировала превращение идеального возлюбленного в скучного и неромантичного супруга [Файнштейн, 2007, с. 54].

Так или иначе, помимо личных обстоятельств в сюжете задействована средневековая эпическая традиция [Слабких, 2010, с. 74]. Наиболее вероятным источником истории о вероломном убийстве во время охоты является «Песнь о Нибелунгах» либо другие изложения эпоса, в которых Зигфрид был предан обманувшим его супругу Хагеном:

Как только Зигфрид воду рукою зачерпнул,
Бургунд, нацелясь в крестик, копьё в него метнул.
Кровь брызнула из раны на Хагена струей.
Никто досель не совершал такой измены злой
[Песнь о Нибелунгах, 1972, с. 116].

Ахматова, несомненно, была знакома с этим средневековым сюжетом, который к тому же был напрямую связан с поэтической деятельностью ее мужа: Гумилёв был увлечен поэзией Леконта де Лиля, в частности, стихотворением «Смерть Сигурда» (другой вариант имени Зигфрид), под впечатлением от которого написал стихотворение «Охота» [Николаева, 2012, с. 273–274]. В пользу знакомства поэтессы с оригинальным сюжетом говорит то, что в ее произведении, как и в «Песни о Нибелунгах», король был убит или обнаружен под деревом (чего нет в «Охоте» Гумилёва).

Перенос целого сюжета из эпоса в лирическое произведение был возможен с точки зрения акмеистской поэтики, но особенно часто такой прием отмечался как своеобразная черта лирики Ахматовой. Это явление, «романность лирики», было замечено еще современниками поэтессы – как собратями по перу, так и исследователями.

Так, В. В. Гиппиус отмечал в 1918 г.: «Я вижу разгадку успеха и влияния Ахматовой (а в поэзии уже появились ее подголоски) и вместе с тем объективное значение ее лирики в том, что эта лирика пришла на смену умершей или задремавшей форме романа. Рядовой читатель <...> не мог не плениться своеобразием этих повестей-миниатюр, где в немногих строках рассказана драма. Такие миниатюры – рассказ о сероглазой дочке и убитом короле <...>» (цит. по: [Павловский, 1982, с. 78]).

Б. М. Эйхенбаум в рецензии 1921 г. на сборник «Подорожник» ярко охарактеризовал эту особенность поэтического метода Ахматовой, контрастирующего с абстрактной лирикой символистов, и тем самым во многом задал вектор анализа для будущих исследователей творчества поэтессы, назвав его романом: «Мы можем проследить разработку образующих его повествовательных линий, можем говорить о его композиции, вплоть до соотношения отдельных персонажей. При переходе от одного сборника к другому мы испытывали характерное чувство интереса к сюжету – к тому, как разовьется этот роман» [Эйхенбаум, 1989, с. 247].

Во второй половине XX в. описываемый феномен был переосмыслен и получил название семантической поэтики, в которой «гетерохронные элементы текста, разные тексты, разные жанры (поэзия и проза), творчество и жизнь, все они и судьба – всё скреплялось единым стержнем смысла, призванного восстановить соотносимость истории и человека» [Левин и др., 1974, с. 51]. Уже в ранних стихах Ахматовой наблюдаются такие средства прозаизации поэзии, как введение сюжета в его актуальном развертывании, прямая речь, диалогизация, «кинематографичность», соотнесение внешнего жеста с внутренними переживаниями. В то же время при построении своих сюжетов поэтесса больше внимания уделяла не конкретным событиям, а стыкам, переходам между ними, которые, в свою очередь, не следуют в хронологическом порядке, а размещаются по принципу силового поля вокруг наиболее репрезентативной части сюжета. История сворачивается до одной сцены, часто являющей собой диалог, в котором «соединительные (недиалогические) фрагменты, ремарки содержат указание на то, каким образом из диалога может быть эксплицирован сюжет» [Там же, с. 56–57].

В дешифровке, реконструкции истории, стоящей за текстом «Сероглазого короля», большую роль играет изучение рукописи стихотворения, поскольку в ней зафиксированы связанные с сюжетом события и характеристики, впоследствии исключенные автором из текста произведения. Так, Ахматова особенно тщательно работала над строками, в которых вернувшийся муж сообщает лирической героине о смерти ее любовника: стих «Муж мой, вернувшись, спокойно сказал» имел варианты: «Муж мне с улыбкой о смерти сказал», «Муж мне с улыбкой

о страшном сказал», «Муж мой, вернувшись, с улыбкой сказал»¹. Эта улыбка свидетельствует о том, что муж знал об измене жены и теперь рад гибели соперника. При этом неизвестно, причастен ли он сам к убийству короля. В окончательном варианте слово «спокойно» также обращает на себя внимание: читатель должен почувствовать, что спокойствие мужа – показное, и на самом деле он испытывает сильные эмоции в момент сообщения новости.

Кроме того, в черновой вариант были вписаны карандашом еще две строки после 12-й: «И покажу ей над башней дворца // Траурный флаг по кончине отца»². То, что лирическая героиня называет короля отцом своей дочери, прямо подтверждает факт адюльтера. Теперь «Сероглазый король», являющий собой *цену* сообщения жене новости о гибели правителя, может быть развернут в историю о некоей замужней женщине, имевшей любовную связь с королем и родившей от него ребенка; ее супруг, вероятно, был причастен к подстроенному убийству короля на охоте.

Стихотворение впервые опубликовано в 1911 г. в апрельском номере журнала «Аполлон» и вполне могло попасть в поле зрения Гребенщикова. Осенью 1912 г. сибирский писатель отправился в Петербург, где провел несколько месяцев, в результате чего был создан цикл заметок «Письма к друзьям», публиковавшийся в газете «Жизнь Алтая» с октября 1912 по январь 1913 г. В это время Гребенщиков уже был редактором названной газеты, и, хотя основной целью поездки были хлопоты по поводу издания сборника рассказов «В просторах Сибири» и «Алтайского альманаха», он был крайне заинтересован в установлении дружеских отношений со столичными культурными деятелями – как для развития сибирской периодической печати, так и для своего собственного продвижения на более высокие уровни в литературной иерархии.

В Петербурге Гребенщиков стал свидетелем и участником различных светских мероприятий: посетил Мариинский театр, Эрмитаж, Благородное, Дворянское и Сибирское собрания. В самом начале ноября он попал на вечер в честь дня рождения Ф. Ф. Фидлера, переводчика, собирателя частного литературного музея и автора хроники жизни множества современных ему писателей и поэтов. В дневнике Фидлера указано, что в тот день в его доме присутствовало множество гостей, но лишь 120 из них он мог назвать по именам. Так, в этот вечер его посетили в числе прочих Тэффи, Рукавишников, Ляцкий, Сологуб, Грин, Аверченко, Белосусов, Л. Л. Толстой, отмечена и фамилия Гребенщикова [Фидлер, 2008, с. 594–595].

Годом ранее благодаря содействию М. Горького произошло знакомство сибирского прозаика с В. С. Миролюбовым, редактором «Современника» и издателем «Ежемесячного журнала». В последующие несколько лет Гребенщиков вел с ним переписку, а на страницах двух указанных периодических изданий появлялись его произведения. Кроме того, Гребенщиков популяризировал «Ежемесячный журнал» в провинции и рекомендовал Миролюбову произведения своих сибирских собратьев по перу для публикации в столичном издании (например, рассказ А. Осокиной) [Гребенщиков, 2010, с. 72–73, 79]. В январском номере этого журнала за 1914 г. впервые появился рассказ «Лесные короли».

Хронологически «Сероглазый король» предшествует рассказу Гребенщикова, что позволяет высказать предположение о знакомстве сибирского писателя со стихотворением, сюжет которого он мог привлечь при создании собственного произведения. По мысли социолога литературы Б. В. Дубина, «формы массовой литературы в перспективе исторической социологии культуры стоит рассматри-

¹ См.: РГАЛИ. Ф. 13. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 1. Электронная копия рукописи доступна по ссылке: <http://www.akhmatova-rgali.ru/index.php?view=varchive&l=manuscripts&i=13-1-1/>.

² Там же.

вать как альтернативные, конкурирующие с “высокими” способами символической репрезентации и разгрузки единого комплекса проблем» [Дубин, 2010, с. 85]. Гребенщиков отнюдь не был массовым писателем, а Ахматова к началу 1910-х гг. еще не снискала славы классика русской литературы. Здесь важен тот факт, что поэтесса социально и эстетически являлась представителем актуальной петербургской литературы, а Гребенщиков – выходцем с географической и культурной периферии, и именно это обстоятельство могло заставить его ориентироваться на образцы успешного литературного творчества³ в процессе его собственного самоутверждения в сфере словесности, овладения художественным языком и заимствования набора социальных масок.

Сюжетно-мотивные пересечения между «Сероглазым королем» и «Лесными королями» заслуживают подробного рассмотрения.

Во-первых, обращает на себя внимание заголовок: появление слова «короли», а не «цари» в контексте колоритного рассказа о сибирской тайге кажется немотивированным, если рассматривать его вне связи со стихотворением столичной поэтессы. Далее «король» будет синонимически заменяться «царем», «хозяином» и «баринном», однако выбор первого наименования для заглавия представляется принципиально важным в силу его знаковой позиции в тексте.

В рассказе Гребенщикова присутствуют сразу три короля. Первый – лесничий Михаил Григорьевич, статный мужчина, который носит очки в золотой оправе (их можно рассматривать как аналог золотой короны) и обладает особым голосом: «Большого роста, плотный, с полуседой подстриженной бородкой, он походил на прасола, торгующего лошадьми, если бы не носил золотых очков и не обладал певучим, мягким, барским голосом» [Гребенщиков, 1915, т. 2, с. 157–158]⁴. Его усадьба подана, как замок: «Михаил Григорьевич давно не ездил никуда и лишь пешком бродил в окрестностях своей усадьбы, стоявшей на краю села, у склона заросшей пихтачом горы» (с. 162), а лес – королевство, которое нужно охранять и защищать: «Михаилу Григорьевичу хотелось в этот миг загородить огромное лесничество высокой стеной, у ворот поставить стражу и царствовать в лесу единолично...» (с. 158). Помимо этого, герой часто появляется в сопровождении свиты – объездчиков и помощников. У него властный характер, и он не терпит, когда ему перечат, даже если доводы оппонента логичны. Так, в назначенный день медвежьей охоты, он не дает себя остановить: «На резоны старшего дежурного объездчика о том, что дорогу занесло и нет ни одного следа, лесничий энергично крикнул: “Я знаю, что я делаю! Седлай и ты – со мной поедешь”» (с. 165).

Второй король – старик Антроп. Он буквально отвоевал землю у врага – природы: в давние времена он истребил почти всех медведей на дне ущелья (Медвежьего Лога), где теперь стоит его дом. Его жилище – настоящий королевский замок, и он еще богаче, чем у лесничего: «Коренастые амбары расселись важно, как бояре, с туго нахлобученными тесовыми крышами, теперь придавленными снегом. И посреди амбаров, как древний царь среди бояр, возвышается суровый, серый, крепкий дом в два этажа» (с. 167). При этом Антроп продолжает свои «завоевательные походы»: лесничему Михаилу Григорьевичу известно, что старик покушается на его владения, что он «безнаказанно ворует лес, живет в нем неограниченным хозяином и истребляет птицу и зверя всеми недозволенными способами...» (с. 161). Жена старика Зеновья изображена как королева. Об этом говорят и ее величественная внешность, и наряд, и украшения, и то, как она принимает гостя в своем доме: «Он увидел красивое, открытое лицо, смугло-матовую

³ То, что Гребенщиков пристально следил за актуальной столичной литературой, подтверждается, например, эпистолярным диалогом с Миролубовым о недавно опубликованной «Деревне» И. А. Бунина и реакции критики на нее [Гребенщиков, 2010, с. 78–79].

⁴ Далее ссылки на это издание даются в круглых скобках с указанием страниц.

и высокую, обвитую янтарями шею, и пышные, крутые плечи, не покрытые ничем. Зеновея не сконфузилась и громко, певуче приветствовала гостя» (с. 159). Ее имя, означающее «Зевс и жизнь» [Суперанская, 2005, с. 111–112] и отсылающее к связи с древнегреческим верховным богом, также подчеркивает «царственное» положение героини ⁵.

Наконец, третий король и истинный хозяин леса – старый медведь. Антроп так рассказывал о встрече с ним: «Ноне я вот в пасеке стренулся с ним, дак куды у меня и память девалась... Встал как на дыбы да рявкнул, дак я ровно, как перед королем каким, так на коленки и присел...» (с. 171–172). При этом медведя и Антропа можно условно объединить, это персонажи-двойники: медведь такой же седой, как Антроп; он не убивает старика, когда встречает его в лесу (а Антроп знает секрет, умеет «ладить» с медведем – нужно кричать, но не убежать от него); более того, Антроп – хозяин Медвежьего Лога, места, откуда он вытеснил обитавших там медведей и где поселил свою собственную семью; зверь как будто в сговоре со стриком: он убивает его соперника-лесничего, но не трогает остальных людей, присутствовавших на охоте. Антроп говорит Михаилу Григорьевичу: «Его, если не тронешь – он смиренный» (с. 172), – эти слова можно применить к самому хозяину займки. Наконец, имя Антроп (хоть это и не подтверждается этимологией) созвучно чеховскому «Антропосу» из «Человека в футляре»: оно намекает на то, что хозяин займки – медведь в человеческом обличье.

Во-вторых, как и в «Сероглазом короле», муж догадывается о связи своей жены с другим мужчиной. Приехав в дом Антропа перед охотой, лесничий предпринимает неловкие попытки отвести от себя подозрения:

– Ай-да молодуха!.. Да она тебе, Антроп Савельич, еще какого-то Антропыча готовит...

Но шутка оказалась неудачной.

Антроп метнул глазами на жену и гостя и отчетливо проговорил:

– Ишь, в очках-то вам, вашеское благородье, повиднее... А я так еще не разглядел: забрюхатела она али жиреет?.. Однако надо завести и мне очки... (с. 168–169).

В-третьих, как и в стихотворении Ахматовой, женщина беременеет от любовника. Но в случае с «Лесными королями» ребенок не рождается живым, у Зеновеи происходит выкидыш, когда она понимает, что лесничий смертельно покалечен (с. 185).

В-четвертых, гибель обеих королей происходит в лесу во время охоты. И если в случае с ахматовским королем об обстоятельствах смерти (или убийства) приходится только догадываться, то в истории Михаила Григорьевича очевиден сговор. Еще до непосредственной трагедии некоторые персонажи начинают вести себя подозрительно. Например, гонец, сообщивший лесничему о предстоящей охоте, был необоснованно обеспокоен:

Вблизи села догнал его верховой объездчик из Медвежьего Лога и, поздоровавшись, возбужденно сообщил:

– Так что, вашескородие, Антроп Савелич поклон вам посылают. Будто што берлогу медвежью они обложили... На охоту приглашают... (с. 164).

Странно ведут себя и люди в доме Антропа: с гостем они обращались неприветливо, а немая дочь старика пыталась ему что-то сообщить, но ей не позволили: «Все входившие молча здоровались с гостем, а немая попыталась даже что-то объяснить ему, мыча и широко улыбаясь. Но Антроп остро взглянул на нее, что-то помячил, и она обиженно ушла» (с. 173), а в разговоре то и дело возникало

⁵ Это же имя в III в. н. э. носила царица Пальмиры.

неловкое молчание. Предательство и сговор становятся очевидными во время самой охоты, когда старший сын старика, находящийся на безопасном расстоянии от берлоги, выстрелом будит медведя и тем самым обрекает лесничего на верную смерть: «Михаил Григорьевич рванулся вперед, но, позабыв, что под ним лыжи, упал с них в снег... Но быстро встал, прицелился и выстрелил во что-то близко подкатившееся, кошмарно-беспощадное и дикое. И в тот же миг почувал, что болезненно кричит и с кем-то борется, сжимая голыми руками остистую сырую шерсть...» (с. 184).

Примечательно, что в «Лесных королях» Гребенщикова появляется сон, предвещающий гибель героя – так же, как и в «Песни о Нибелунгах», притом, что в стихотворении Ахматовой отсутствует какое бы то ни было предсказание скорой трагедии. В средневековом эпическом произведении Королева Кримхильда, поняв, что открыла Хагену секрет неуязвимости Зигфрида и тем самым подвергла его смертельной опасности, пытается уговорить супруга не ехать на охоту:

Не езд на охоту, – промолвила она. –
Мне сон дурной приснился: гнались два кабана
По лугу за тобою, и все цветы вокруг
Внезапно стали красными. Не езд, мой супруг!
[Песнь о Нибелунгах, 1972, с. 109].

В рассказе сибирского автора, как уже упоминалось, лесничий сам видит зловещий сон, в котором на него нападает медведь.

Перечисленные сюжетно-мотивные сходства могут свидетельствовать о знакомстве Гребенщикова со стихотворением Ахматовой на момент написания рассказа. Примечательна ориентация не на широко известные классические произведения, а на образец современной поэзии, которая, с одной стороны, может задавать тематический и эстетический курс, а с другой – вовлекает в конкурентную борьбу в рамках литературного поля. Таким образом молодой сибирский автор выстраивал отношения со столичной литературой, в которой стремился занять как можно более высокую позицию.

Рассказ «Лесные короли» отчасти испытал на себе влияние настойчиво возникавшей в ранних произведениях Гребенщикова темы провинциального интеллигента, связанной с пережитым им самим сложным опытом социального самоопределения. В пьесе «Сын народа» [Гребенщиков, 1910] и ряде рассказов из сборников «В просторах Сибири» («Отец Порфирий», «В теснине», «В бору», «В посёлке» и др.) герой, выходец из культурной и географической периферии, получает образование в крупном городе или даже в столице, но в силу непреодолимых обстоятельств должен вернуться в родное село, где чувствует себя чужим и одиноким из-за невозможности заниматься интеллектуальным трудом и общаться с образованными людьми⁶. В самых драматичных вариантах развития этой темы герой решается на самоубийство (например, рассказ «В посёлке», в котором герой собирается утопиться в проруби, но передумывает в последний момент) либо умирает от болезни («В бору») или пьянства («Отец Порфирий»), но, как видится, это лишь внешние причины гибели, маскирующие неразрешимый внутренний конфликт.

О том, что герой «Лесных королей» проходит путь провинциального интеллигента, свидетельствуют некоторые детали. Так, в рассказе несколько раз упоминаются очки Михаила Григорьевича, которые, с одной стороны, свидетельствуют о его чужеродности, непохожести на местных жителей; с другой стороны, очки – почти обязательный атрибут интеллигента в литературе конца XIX – начала XX в. О прошлом лесничего почти ничего не известно, но, когда 43-летний герой вспо-

⁶ Подробнее см.: [Толстоноженко, 2015].

минает о ранней молодости, упоминается гимназия. Его поведение при первой встрече с Зеновеей описывается следующим образом: «Никогда, даже в гимназические годы, он не говорил так горячо и молодо, как в эту ночь» (с. 160). О возможной принадлежности героя к городскому миру и интеллектуальной среде говорит и такая характеристика: «И снова тишина лесной глуши <...> далеко-далеко отодвинула от него все, что было так близко и дорого: работу и воспоминания, охоту и друзей и копошащуюся где-то за лесами пышную культуру, в которую он верил и которой поклонялся...» (с. 182–183). Причины, по которым лесничий должен был переместиться из пространства культуры в пространство природы, остаются тайной для читателя, и героя, чуждого своему естественному окружению, в итоге настигает смерть.

Если рассматривать рассказ Гребенщикова во взаимосвязи с его произведениями дореволюционного периода, «Лесные короли» могли быть своеобразной «пробой пера» перед созданием романа: в первом томе эпопеи «Чураевы» также развивается сюжет, связанный с любовным треугольником. По мысли Р. Жирара, «чтобы рассказать историю любви, роману требуются не два персонажа, а три» (цит. по: [Эткинд, 2014, с. 357]). А. Эткинд, развивая идеи французских и русских теоретиков литературы, отметил, что в русском романе второй половины XIX в. противопоставлены друг другу Человек из Народа и Человек Культуры, между которыми медиатором выступает женщина [Там же, с. 356–357]. Так, с некоторыми оговорками «людьми из народа» можно назвать Антропа и Викула, «людьми культуры» – Михаила Григорьевича и Василия в «Лесных королях» и «Чураевых» соответственно. Конфликт происходит из-за Зеновее и Наденьки. В пользу такого сопоставления, в частности, может говорить то, что Викул, как и Антроп, неоднократно отождествляется с медведем: «Медведь вы этакий» [Гребенщиков, 1991, с. 64], – обращается к нему Настасья Дмитриевна, хозяйка дома, который посетил герой. Стоит отметить, что Василий сначала тоже получает подобную характеристику: «Папа! <...> Я привела сибирского ручного медвежонка...» [Там же, с. 92], – заявляет Наденька, знакомя гостя с отцом. Однако затем разница между братьями проясняется: «Как и четыре года назад, Наденька со звонким смехом ввела в отцовский кабинет большого бородатого сибирского медведя, как будто это тот же прежний медвежонок, только выросший и одичавший в глухих лесах» [Там же, с. 103]. Младший из братьев, Василий, попавший в Москву «медвежонком», постепенно превратился в «человека культуры», что обусловило его дальнейшее противопоставление брату и развитие конфликта в романе. И в «Лесных королях», и в «Чураевых» присутствует мотив вины культурного человека перед природным, вследствие чего сюжет вбирает в себя энергию мести, тем самым обнажая личный комплекс автора.

Таким образом, нам представляется, что в ходе написания рассказа «Лесные короли» Гребенщиков черпал идеи из нескольких источников. С одной стороны, с высокой долей вероятности претекстами сюжета послужили народная баллада об охотнике и стихотворение А. Ахматовой «Сероглазый король». С другой стороны, ряд мотивов обусловлен личными переживаниями автора, связанными с его положением оторванного от большой столичной культуры человека, стремившегося к максимально широкому признанию. Наконец, в рассказе присутствует романтический импульс, обусловивший занимательность и перспективность сюжета, переработанного в дальнейшем в более развернутый нарратив.

Список литературы

Бальбуров Э. А. Сюжет и история: к проблеме эволюции повествовательных форм // Сюжет, мотив, история: Сб. науч. ст. Новосибирск: Наука, 2009. С. 32–42.

- Горбенко А. Ю.* Жизнестроительство Г. Д. Гребенщикова: генезис, механизмы, семантика, контекст: Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2016.
- Десятов В. В.* Скит искусств: жизнестроительство Георгия Гребенщикова // Сибирский филологический журнал. 2018. № 1. С. 5–18.
- Дубин Б. В.* Классика, после и рядом. М.: Новое литературное обозрение, 2010.
- Казаркин А. П.* Возвращение Георгия Гребенщикова // Наш современник. 2010. № 8. С. 277–281.
- Левин Ю. И., Сегал Д. М., Тименчик Р. Д., Топоров В. Н., Цивьян Т. В.* Русская семантическая поэтика как потенциальная культурная парадигма // Russian Literature. 1974. № 7–8. С. 47–82.
- Мансков С. А., Семилет Т. А., Деминова М. А., Лукашевич Е. В.* Военная публицистика Георгия Гребенщикова в газете «Жизнь Алтая» 1916 года // Сибирский филологический журнал. 2018. № 1. С. 19–29.
- Николаева Т. М.* Смерть властелина на охоте («Охота» Н. С. Гумилёва и «Сероглазый король» А. А. Ахматовой) // Николаева Т. М. О чём рассказывают нам тексты? М.: Языки славянских культур, 2012. С. 264–275.
- Павловский А. И.* Анна Ахматова: Очерк творчества. Л.: Лениздат, 1982.
- Примочкина Н. Н.* «Первым своим учителем считаю М. Горького» (М. Горький и Георгий Гребенщиков: к истории литературных отношений) // Новое литературное обозрение. 2001. № 48. С. 146–156.
- Примочкина Н. Н.* «В небрежном к Вам отношении – неповинен» (Г. Гребенщиков) // Горький и писатели русского зарубежья. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 137–150.
- Серебренников Н. В.* Опыт формирования областнической литературы. Томск: Изд-во ТГУ, 2004.
- Слабких К. Э.* Литературоведение 2000-х годов о творческом диалоге Ахматовой и Гумилёва // Филологические науки. 2010. № 2. С. 70–79.
- Суматохина Л. В.* М. Горький и писатели Сибири: Монография. М.: ИНФРА-М, 2013.
- Суперанская А. В.* Современный словарь личных имен: Сравнение. Происхождение. Написание. М.: Айрис-пресс, 2005.
- Толстоноженко О. А.* Провинциальный интеллигент в столице: Рефлексия травмы в раннем творчестве Г. Д. Гребенщикова // Алтайский текст в русской культуре: Сб. науч. ст. / Под ред. М. П. Гребневой. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2015. Вып. 6. С. 342–357.
- Файнштейн Э.* Анна Ахматова. М.: Эксмо, 2007.
- Черняева Т. Г.* Георгий Гребенщиков: начало пути // Бийский Вестник. 2003. № 1. С. 74–96.
- Черняева Т. Г.* Начало творческой биографии Г. Д. Гребенщикова // Алтайский текст в русской культуре. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2002. Вып. 1. С. 36–47.
- Черняева Т. Г.* Творчество Г. Д. Гребенщикова: сибирский период: Учеб. пособие. Барнаул, 2007.
- Эйхенбаум Б. М.* Роман-лирика // Ахматова А. А. Десятые годы / Сост. и примеч. Р. Д. Тименчика. М.: Изд-во МПИ, 1989. С. 247–249.
- Эткинд А. М.* Внутренняя колонизация. Имперский опыт России / Пер. с англ. В. Макарова. М.: Новое литературное обозрение, 2014.

Список источников

- Алтай – Беловодье. Сказы, легенды, сказки, былины, календарная обрядовая поэзия / Ред.-сост. А. М. Родионов. Барнаул: Алт. дом печати, 2007.
- Ахматова А.* Собр. соч.: В 6 т. М.: Эллис Лак, 1998. Т. 3; 2001. Т. 5.
- Гребенщиков Г. Д.* В просторах Сибири: В 2 т. СПб., 1913. Т. 1; 1915. Т. 2.

- Гребенщиков Г. Д. Письма (1907–1917) / Сост. Т. Г. Черняева. Бийск, 2010. Кн. 2.*
- Гребенщиков Г. Д. Сын народа. СПб.: Лит. т-ва Екатеринбург. печ. дело, ценз., 1910.*
- Гребенщиков Г. Д. Чураевы: Роман, повести, рассказы. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1991.*
- Народные баллады / Под ред. А. М. Астаховой. М., Л.: Сов. писатель, 1963.*
- Песнь о Нибелунгах. Л.: Наука, 1972.*
- РГАЛИ. Ф. 13. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 1.*
- Фидлер Ф. Ф. Из мира литераторов: Характеры и суждения. М.: Новое литературное обозрение, 2008.*

O. A. Tolstonozhenko

*Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation, t_oksa@mail.ru*

**“Forest Kings” by George Grebenshchikov:
towards the problem of the plot origin**

In the 1910s, G. D. Grebenshchikov made active attempts to enter the metropolitan literary sphere and to take a high position in the hierarchy of writers. That was the reason for his efforts to establish connections with modern literature. Of note in this regard is the story “Forest Kings.” The contextualization of Grebenshchikov’s plot revealed several motif parallels that could be in the author’s field of vision. On the one hand, the pretext of the plot could be a popular “Fisher and Hunter’s Wife” folklore ballade, with its core narrative involving wife’s conspired adultery, discovery, and murder of her lover. Also, the ballade has a similar motif of a lifestyle with forest harvesting, the youth of a wife, the prediction of a hero death. On the other hand, there is a series of parallels to A. A. Akhmatova’s “Grey-eyed King” poem that could be familiar to Grebenshchikov, who visited the capital and sought to establish connections with writers and publishers in Saint-Petersburg. In this case, the following motif intersections draw attention: usage of “king” word in the title, presence of the heroine’s child from a lover, conspiracy, lover’s death during hunting. Grebenshchikov followed the precedent of metropolitan literature, thus elaborating common topics while trying to enhance his status and professional reputation in the literary field. The story presents a plot pattern peculiar to a novel based on the confrontation of a man “from nature” and a man “from culture,” with mediation provided by a woman. In this respect, “Forest Kings” can be considered as a specific draft of the first volume of “Churaevy” the epic novel, with similar love triangle conflict in the plot basis.

Keywords: G. Grebenshchikov, A. Akhmatova, folk ballade, plot, motif, Siberian literature, literary hierarchy, life-creating strategy.

DOI 10.17223/18137083/71/8

References

- Bal’burov E. A. Syuzhet i istoriya: k probleme evolyutsii povestvovatel’nykh form [A plot and a story: towards the problem of narrative form evolution]. In: *Syuzhet, motiv, istoriya: Sb. nauch. st.* [Plot, motif, history: Coll. of sci. art.]. Novosibirsk, Nauka, 2009, pp. 32–42.
- Chernyaeva T. G. Georgiy Grebenshchikov: nachalo puti [George Grebenshchikov: the beginning of carrier]. *Biyskiy Vestnik*. 2003, no. 1, pp. 74–96.
- Chernyaeva T. G. Nachalo tvorcheskoy biografii G. D. Grebenshchikova [The beginning of writing biography of G. D. Grebenshchikov]. In: *Altayskiy tekst v russkoy kul’ture* [Altaic text in Russian culture]. Barnaul, AltSU Publ., 2002, pp. 36–47.
- Chernyaeva T. G. *Tvorchestvo G. D. Grebenshchikova: sibirskiy period: Ucheb. posobie* [G. D. Grebenshchikov’s oeuvre: Siberian period: Textbook]. Barnaul, 2007.

- Desyatov V. V. Skit iskusstv: zhiznestroitel'stvo Georgiya Grebenshchikova [Hermitage of arts: life-creating of Georgy Grebenshchikoff]. *Siberian Journal of Philology*. 2018, no. 1, pp. 5–18.
- Dubin B. V. *Klassika, posle i ryadom* [Classics, after and around]. Moscow, New Literary Observer, 2010.
- Etkind A. M. *Vnutrennyaya kolonizatsiya. Imperskiy opyt Rossii* [Internal colonization: Russia's imperial experience]. V. Makarova (Transl. from English). Moscow, New Literary Observer, 2014.
- Eykhenbaum B. M. Roman-lirika [A novel-lyrics]. In: Akhmatova A. A. *Desyatye gody* [1910s]. R. D. Timenchik (Comp. notes). Moscow, MPI Publ., 1989, pp. 247–249.
- Faynshteyn E. *Anna Akhmatova*. Moscow, Eksmo, 2007.
- Gorbenko A. Yu. *Zhiznestroitel'stvo G. D. Grebenshchikova: genesis, mekhanizmy, semantika, kontekst* [Life-creating of G.D. Grebenshchikov: genesis, arrangement, semantics. Dissertation]. Cand. philol. sci. diss. Tomsk, 2016.
- Kazarkin A. P. Vozvrashchenie Georgiya Grebenshchikova [Return of George Grebenshchikov]. *Nash Sovremennik*. 2010, no. 8, pp. 277–281.
- Levin Yu. I., Segal D. M., Timenchik R. D., Toporov V. N., Tsiv'yan T. V. Russkaya semanticheskaya poetika kak potentsial'naya kul'turnaya paradigma [Russian semantic poetics as a potential cultural paradigm]. *Russkaya Literatura*. 1974, no. 7–8, pp. 47–82.
- Manskov S. A., Semilet T. A., Deminova M. A., Lukashevich E. V. Voennaya publitsistika Georgiya Grebenshchikova v gazete "Zhizn' Altaya" 1916 goda [Front-line feature stories by George Grebenshchikov in the newspaper "Zhizn' Altaya" in 1916]. *Siberian Journal of Philology*. 2018, no. 1, pp. 19–29.
- Nikolaeva T. M. Smert' vlastelina na okhote ("Okhota" N. S. Gumileva i "Seroglazyy korol'" A. A. Akhmatovoy) [Death of the lord on the hunt ("The hunt" by N. S. Gumilev and "Grey-eyed King" by A. A. Akhmatova)]. In: Nikolaeva T. M. *O chem rasskazyvayut nam teksty?* [What do the texts tell us about?]. Moscow, LRC Publishing House, 2012, pp. 264–275.
- Pavlovskiy A. I. *Anna Akhmatova: Ocherk tvorchestva* [Anna Akhmatova: An essay on oeuvre]. Leningrad, Lenizdat, 1982.
- Primochkina N. N. "Pervym svoim uchitelem schitayu M. Gor'kogo" (M. Gor'kiy i Georgiy Grebenshchikov: k istorii literaturnykh otnosheniy) [M. Gorky is my first teacher (M. Gorky and G. Grebenshchikov: towards the history of literary relations)]. *New Literary Observer*, 2001, no. 48, pp. 146–156.
- Primochkina N. N. "V nebrezhnom k Vam otnoshenii – nepovinen" (G. Grebenshchikov) ["In attitude towards you is not guilty" (G. Grebenshchikov)]. In: *Gor'kiy i pisateli russkogo zarubezh'ya* [Gorky and Russian Emigrants]. Moscow, IMLI RAN, 2003, pp. 137–150.
- Serebrennikov N. V. *Opyt formirovaniya oblastnicheskoy literatury* [The experience of regional literature formation]. Tomsk, TSU Publ., 2004.
- Slabkikh K. E. Literaturovedenie 2000-kh godov o tvorcheskome dialoge Akhmatovoy i Gumileva [Literary studies of 2000s on Akhmatova's and Gumilev's creative dialog]. *Philological Sciences*. 2010, no. 2, pp. 70–79.
- Sumatokhina L. V. M. *Gor'kiy i pisateli Sibiri* [M. Gorky and Siberian writers]. Moscow, INFRA-M, 2013.
- Superanskaya A. V. *Sovremennyy slovar' lichnykh imen: Sravnenie. Proiskhozhdenie. Napisanie* [The modern dictionary of personal names. Comparison. Derivation. Spelling]. Moscow, Ayris-press, 2005.
- Tolstonozhenko O. A. Provintsial'nyy intelligent v stolitse: Refleksiya travmy v rannem tvorchestve G. D. Grebenshchikova [A provincial intellectual in the metropolis: Reflection of trauma in G. D. Grebenshchikov's early oeuvre]. In: *Altayskiy tekst v russkoy kul'ture: Sb. nauch. st.* [Altaic text in Russian culture: coll. of sci. art.]. Barnaul, AltSU Publ., 2015, iss. 6, pp. 342–357.

List of sources

- Altay – Belovod'e. Skazy, legendy, skazki, byliny, kalendarnaya obryadovaya poeziya* [Altai – Belovodier. Stories, legends, fairy tales, byliny, calendar ritual poetry]. A. M. Rodionov (Ed., Comp.). Barnaul, Alt. dom pechati, 2007.
- Akhmatova A. *Sobr. soch.: V 6 t.* [Collected works: In 6 vols]. Moscow, Ellis Lak, 1998, vol. 3; 2001, vol. 5.

- Fidler F. F. *Iz mira literatorov: Kharktery i suzhdeniya* [From the writers' world: Characters and assessments]. Moscow, New Literary Observer, 2008.
- Grebenshchikov G. D. *V prostorakh Sibiri: V 2 t.* [In the Vast of Siberia]. St. Petersburg, 1913, vol. 1; 1915, vol. 2.
- Grebenshchikov G. D. *Pis'ma (1907 - 1917)* [Letters (1907–1917)]. T. G. Chernyaeva (Comp.). Biysk, 2010, bk. 2.
- Grebenshchikov G. D. *Syn naroda* [People's son]. St. Petersburg, Lit. tov. Ekateringof. pech. delo, tsenz., 1910.
- Grebenshchikov G. D. *Churaevy: Roman, povesti, rasskazy* [Churaevy: Novel, stories]. Irkutsk, Vost.-Sib. kn. izd, 1991.
- Narodnye ballady* [Folk ballades]. Moscow, Leningrad, Sov. pisatel', 1963.
- Pesn' o Nibelungakh* [The Nibelungenlied]. Leningrad, Nauka, 1972.
- Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv literatury i iskusstva (RGALI)* [Russian State Archive of Literature and Art]. Fund 13, inv. 4, it. no. 1, sh. 1